

Блокадный ребёнок Аллочка Платонова (Алла Юрьевна Платонова)

(75 - летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне посвящается)

Автор: член союза журналистов России Наталья Морсова
Написано по воспоминаниям Аллы Юрьевны Платоновой
Фото из архива Платоновой А.Ю. и Яндекс коллекции.

Аллочка Платонова

Родилась Аллочка Платонова за полгода до начала Великой Отечественной войны в декабре 1940 года и всю войну и все 900 дней блокады прожила в осаждённом городе вместе с родителями Платоновой Натальей Андреевной и Юрием Николаевичем. Проживает там и сейчас. «Мы выжили, – рассказывает Алла Юрьевна, - благодаря безграничной любви моих родителей. День снятия блокады Ленинграда 27 января до сих пор ежегодно отмечаем всей семьёй, как второй день рождения».

Все в семье Аллочки, как и она в будущем, были химиками, родители ещё до войны работали в лаборатории, где испытывали действие химических веществ типа зорин, иприт и др. В годы войны Юрий Николаевич, кадровый офицер, занимался гражданской обороной в качестве замначальника химзащиты г. Ленинграда. Наталья Андреевна также была военнообязанной, и ей было предписано отправить дочь с домом малютки в эвакуацию, на что мать категорически отказалась. Женщина знала, что дети могут потеряться в дороге или погибнуть. Аллочке, можно сказать, повезло, – она всю войну оставалась

со своими родителями, при этом была обречена на нечеловеческие испытания, особенно нестерпимо голодными были зимы 1941 и 1942 годов. Преимущество было лишь в том, что самые близкие люди были рядом и имели возможность приласкать и успокоить, прижать к себе родное дитя.

Аллочка с родителями

«Мы жили в коммунальной квартире в Усачёвом переулке с родственниками отца. Мама получала хлеб на всю большую семью, но его было так мало, что для развешивания достаточно было одночашечных аптекарских весов. С замиранием сердца домочадцы внимательно наблюдали за делёжкой хлеба, подбирая каждую крошку. Этими весами мама дорожила до конца своих дней. Сейчас они, как реликвия, хранятся в нашей семье».

Однажды зимой 1941 года в дом попала бомба, здание было разрушено. Семья из трёх человек получила ордер на другую квартиру, брошенную эвакуированными жильцами, по улице Гоголя. Переезд был назначен на 31 декабря. Нужно было успеть переселиться до 5 часов утра. «Родители очень торопились. Меня положили в детскую ванночку и везли по снегу, как самый ценный груз. А в мальпосте, так называлась детская коляска, перевезли нужные, оставшиеся после бомбёжки, вещи. Вот и всё наше имущество. В этой квартире прошло моё несознательное и сознательное детство».

Семья жила в маленькой кухоньке, которая топилась тогда, когда находилось, чем топить. А комната с выбитыми окнами, в которой царил промозглый холод, была завалена вещами прежних жильцов. «Сюда я ходила «гулять», закутанная в разные тряпки. Тут я разговаривала с «кискаами», так я называла серых кошечек, которые лазали по стенам, грызли двери и рамы и рвали

шерстяные вещи. Потом я узнала, что это были не кошечки, а голодные крысы, проживающие с нами в одной квартире. Только крысам тогда и было чем утолить голод», – вспоминает Алла Юрьевна. Малышка и не догадывалась, что у других ленинградских детей ещё недавно была совсем другая жизнь – сытая, с куклами и конфетами.

Дети на прогулке

Чтобы согреть ребёнка, мать ставила кроватку прямо на печь, а сама, уставшая и измученная голодом, спала возле печи. В отсутствие матери кроватка от взрывной волны часто падала с печки вместе с ребёнком. Мать заставляла дочь сидящей на полу, с улыбкой сообщающей: «Немцы, бах». Всякий раз, возвращаясь домой, Наталья Андреевна испытывала страх за надолго оставленную в полупустом доме дочь, ведь здание располагалось в 300 метрах от Исаакиевского собора, который фашисты бомбили нещадно. Входную дверь тогда уже никто не закрывал, вдруг на минутку вырвется со службы муж. Однако участились случаи людоедства, особенно детей. Со слов своей матери, Алла Юрьевна рассказывает о судебном процессе над женщиной с помутившимся от голода разумом, обвинённой в людоедстве. После этого случая мать перестала оставлять ребёнка одного дома и повсюду водила за собой.

Блокадные дети в госпитале

Многие жители блокадного Ленинграда настолько привыкли к рёву сирены и звукам метронома – сигналам тревоги в радиоприёмнике, что перестали на них

реагировать, – так ничтожна была цена жизни. Аллочке был знаком звук метронома, она его помнит до сих пор, – тогда оставшиеся в живых и имеющие силы передвигаться выбегали из своих домов. Однако Наталья Андреевна, услышав сигнал тревоги, а чаще это происходило по ночам, рисковала жизнью дочери и своей и в бомбоубежище не уходила. Она считала, что испуганные люди, бегающие туда – сюда в панике с котомками и узлами в бомбоубежище, растрачивали последние силы. Женщина старалась сберечь силы и расходовать их только на дело. А дел было много: растить и кормить ребёнка, ежедневно выстаивать многочасовые очереди, чтобы отovarить хлебные карточки, под рёв вражеских самолётов, грохот взрывающихся бомб, падающих зданий, звон битого стекла. Нужно было где-то добывать дрова: это была мебель из пустующих квартир и доски от разбитых заборов, носить ежедневно по два ведра воды из реки Невы. А воды требовалось много: постирать пелёнки, вымыть ребёнка и просто пить, поскольку есть было нечего.

В разбитом доме

Иждивенческой карточки матери на мизерную пайку хлеба и соевое молоко на ребёнка, которые отovarивались в гостинице «Астория», не хватало на двоих. Аллочка заболела болезнью Боброва, похожей на цингу. Дёсна покрылись язвочками, она перестала ходить и говорить, глаза вылезли из орбит, ребёнок быстро угасал. Девочка производила такое ужасающее впечатление, что мать,

выходя на улицу, прикрывала её лицо пелёнкой. В педиатрическом институте, который тогда располагался возле Финляндского вокзала, матери предложили оставить ребёнка здесь, надежды на выживание не было. На что мать ответила отказом. Спасло Аллочку активное вмешательство отца, который поднял на ноги знакомых фармацевтов и с большим трудом добыл аскорбиновую кислоту (витамин С). Действие аскорбинки было так велико, что девочка быстро пошла на поправку. Казалось, что киноплёнка её жизни прокрутилась в обратную сторону: глаза заняли положенное место, вылечились дёсна, она вновь научилась ходить и говорить. Осталось только косолапость, но с этим жить можно. Аллочку прозвали косолапым гномиком.

За водой

Юрий Николаевич понимал, что надо спасать семью. Несмотря на своё значимое положение в осаждённом городе, он, преодолевая стыд, тайком собирал остатки недоеденного в офицерской столовой, всё сливая и сыпая в бутылку. Находясь на казарменном положении, он приносил еду, когда мог. Но семья была рада и этому прокисшему месиву, ведь у других и этого не было. При появлении отца Аллочка бросалась ему на шею со словами: "Принёс бутылочку"? Не всегда отцу удавалось что-либо принести домой, но девочка всегда ждала заветную бутылочку. Удивительно, но от такой пищи, считает Алла Юрьевна, никто не страдал расстройством желудка. Хотя дистрофию и дизентерию всё равно не избежали. Такой массовой дистрофии, как у блокадников, мир ещё не знает.

Наталья Андреевна искала всякие пути раздобыть пропитание. Как-то раз повезло: удалось обменять беличью шубку и серебряные ложки на муку. Под раскатами артобстрела поздно вечером она отправилась по указанному адресу. Она спустилась в подвальное помещение, открыла дверь, и на неё пахнуло таким вкусным теплом и ароматом горячих лепёшек, что женщине стало дурно, и она потеряла сознание. Хозяйка оказалась «не жадной», она отсыпала большой кулёк муки. С этим пакетом, тесно прижатым к груди, радостная

Наталья Андреевна бежала домой по пустынным улицам, минуя городские развалины, и очень боялась, как бы «лихие» люди, которых выпустили из тюрем из-за отсутствия питания, не отняли её богатство. И это были счастливые моменты. Но было и по-другому: на спиртовке для химических опытов грелось жалкое подобие супа из ядовито вонючего столярного клея и кусочков кожи от ремешков. Этот студень сверху заливался олифой. Та же спиртовка с пробиркой служила источником света в доме.

Наконец Наталье Андреевне удалось устроиться на работу паспортисткой рядом с домом. Теперь жить стало легче, появилась рабочая карточка – 250 гр. хлеба в день. Мать брала с собой на работу ребёнка, и Аллочка рассказывала всем подряд сказку про курочку рябу, за что получала крошечные кусочки вкусного вознаграждения от благодарных слушателей. Девочка подружилась с мальчиком Борей из соседнего дома. Оба они страдали рахитом. "Ходили с Борей, взявшись за ручки, чтобы поддерживать друг друга. Наверное, мы были неотразимой парой, – шутит Алла Юрьевна. – Наши мамы дружили, они вместе кололи лёд, убирали мусор, тушили зажигательные бомбы на крышах, увозили умерших, оформляли документы. Всё это делали хрупкие женщины, изнурённые голодом, с чесоткой и во вшах из-за отсутствия воды, переболевшие цингой и очень плохо одетые. Из одежды у моей мамы были фетровые сапожки, надетые на портянки, и ватник, и это при сорока градусах мороза».

Кусок мыла и баня были большой редкостью. Алла Юрьевна вспоминает случай о мытье в общественной бане: «В женский день привели взвод солдат. Истощённые дистрофией женщины и измождённые мужчины не смотрели друг на друга, им было не до чувства стыда, всех объединяла одна заветная цель – помыться, пока есть вода».

Умерших от голода и болезней людей свозили в общую братскую могилу. Однако бывали случаи, когда родственники не хоронили покойников и до конца месяца жили с ними в одной квартире. Причина понятна: воспользоваться хлебной карточкой умершего. Такая же история случилась и в семье Аллочки. Прабабушка девочки перед самой войной приехала проведать ленинградскую родню и посмотреть новорождённую. Плотное сжатое кольцо вражеских фронтов вокруг города не выпустило старушку, и та навсегда осталась в земле ленинградской. Обезумев от голода, она снимала чулки и наматывала их на шею. При этом каким-то образом добытый кусочек сахара, самое сокровенное, что тогда могло быть, она не тронула, – перед смертью оставила его в сахарнице для своей правнучки. И ещё несколько дней её хлебная карточка поддерживала «благодарных» за столь щедрый подарок родственников.

К концу войны взрослые заботы легли на плечи пятилетнего ребёнка: сейчас трудно поверить, но в обязанности детей входило стояние в бесконечных очередях за мукой, хлебом, мылом, солью, спичками, за кульком угля и бутылкой керосина. Самостоятельные выходы на улицу доставляли Аллочке большое удовольствие, несмотря на многочасовые очереди на морозе или под дождём. Таким образом она отвлекалась от постоянного чувства голода.

Проходя мимо витрин магазинов, она мечтала о нарядном платье и красивых туфельках, которые мама купит ей, когда кончится война и когда у них будет много денег. А главное – много хлеба.

Блокада осаждённого города поставила людей на грань жизни и смерти, когда полностью теряются физические и душевные силы, а с ними и мечты. Но, к счастью, с Аллочкой такого не произошло. Эта жизнерадостная девочка умела озорно смеяться и радоваться жизни. Она с удовольствием занималась художественной самодеятельностью, проявила интерес к русским народным танцам, была большой любительницей рисования и кукольного театра, – с удовольствием посещала самые разные кружки в школе и в доме пионеров.

Немецкие диверсанты проникали в город, катались на велосипедах и разбрасывали листовки – паспорта на русском языке с предложениями о сотрудничестве, зывали к себе детей и подростков. И не всегда безрезультатно, но это всего лишь исключение.

Урок в бомбоубежище

Война закончилась, пришло время идти в школу. Переболев рахитом, цингой, дистрофией, потерей зрения, слуха и речи, блокадным детям приходилось заново учиться ходить и говорить. Истощённые дети выглядели ущербными во всех отношениях по сравнению с приезжими ребятами. Ребятишек в городе прибавилось за счёт притока большого числа семей строителей, которые разбирали завалы на улицах и восстанавливали прежнее величие бывшей столицы России. «На уроках я всегда ждала перемены, чтобы скорее съесть завтрак», – рассказывает Алла Юрьевна, – так случилось и на уроке немецкого языка. К концу урока я стала подсчитывать мелочь, чтобы купить в буфете булочку. Ирена Адольфовна это заметила. Обрусевшая немка, блокадница, у которой на глазах немцы расстреляли сына и мужа, была

чрезвычайно строга. Разгневанная учительница подошла ко мне, сдёрнула косынку с моей забинтованной головы и вытолкала за дверь. После этого учить «немецкий» совсем расхотелось». Бинты появились на голове у Аллы в результате сильного обморожения, которое она получила в бесконечных очередях. «Болели отмороженные руки, ноги, нос, лицо. Текли уши, и мама их забинтовывала, а сверху завязывала косынку. Таким «зайцем» я ходила в школу, поскольку болезни не являлись причиной не посещать уроки», – продолжает Алла Юрьевна. Бессловесные, запуганные войной дети и дома не могли пожаловаться на обидчиков, – жалобы детей родители не поощряли. И всё же школу Аллочка благополучно закончила и получила долгожданный аттестат. А потом начала работать, одновременно обучаясь в ВУЗе. Занялась спортом, и следа не осталось от «заторможенного заморыша».

«Есть хотелось ещё долго после войны, голод меня преследовал всё время, – вспоминает Алла Юрьевна, – я не отходила от стола и никак не могла наесться. Я доедала за своим младшим братом, родившимся после войны слабеньким и болезненным. Для меня не было невкусной пищи, я постоянное ела и ела. Все карманы одежды были забиты хлебными крошками. Бывало так, что на оставшиеся копейки я покупала самую дешёвую булочку и с жадностью набрасывалась на неё, чтобы заглушить голод. Но это был уже не голод, а память о нём. К зрелому возрасту я, наконец, наелась. Мы в блокаду насиделись на диете на всю оставшуюся жизнь. Теперь я никаких диет не признаю».

По-настоящему учиться пришлось после войны – окончила школу, затем, как и родители, химический факультет института. Всю трудовую жизнь Алла Юрьевна занималась химическим анализом металлов, жидкостей, аэрозолей.

– *Что Вы помните из блокадной пищи?*

– кроме хлеба, ничего. Психологически труднее было перенести блокаду детям в сознательном возрасте, ведь им было с чем сравнивать. А нам малышам было легче, ведь мы думали, что так должно быть всегда. Голод – это самая жестокая проверка человеческих отношений, которую с честью выдержали мои родители. И я склоняю голову перед ними. Я им обязана своей жизнью.

- *Как живётся, Алла Юрьевна?* - В последние годы, с уходом из жизни отца и его друзей, осталась одна мать Наталья Андреевна Платонова. Но недавно в возрасте 90 лет и она ушла из жизни. Нас всегда удивляло и восхищало их терпение, мужество, и при этом они сумели сохранить замечательное чувство юмора. Мама утверждала, что героизм и мужество были вынужденными, и скромно добавляла, что ничего тут особенного нет, люди должны уметь стойко переносить выпавшие на их долю тяготы жизни. Родители ушли из жизни, но мы бережём память о них, чтобы знали и помнили наши внуки и правнуки. Родители Аллы Юрьевны Платоновой были награждены медалями «За оборону Ленинграда».

Навёрстывая упущенное в детстве, Алла Юрьевна по сей день невероятно активна, и, как говорится, «покой ей только снится», кстати, о нём она и не думает. Застать дома непоседливую женщину довольно проблематично: в

свободное от работы и от воспитания подрастающего поколения время, она рисует, занимается в изостудии: здесь она научилась под руководством писать маслом, акварелью, пастелью, выставляет свои работы в выставочных залах С – Петербурга. Пейзажами жаркого лета, пёстрыми бабочками, нарядными жуками и яркими цветами изрисована русская печь и стены на её даче. Её можно было увидеть летящей в воздушном шаре над скалами Турции, в геологической экспедиции на Камчатку, Кавказ или Казахстан, с сотрудниками своей химической лаборатории она определяла залежи золота в Австралии или в экваториальной Африке, исследовала воды Азовского, Чёрного и Каспийского морей. На лыжах и на мотоцикле совершала восхождения на доступную высоту Эльбруса. А пару лет назад Алла Юрьевна несказанно удивила всех: осуществила свою давнюю мечту – научилась играть на баяне. А дело было так: купила подержанный баян, затащила тяжёлый инструмент в трамвай и поехала в ближайшую детскую музыкальную школу. Поражённый настойчивостью «деликатного возраста» ученицы, педагог взялся обучать её бесплатно. И теперь из квартиры новоиспечённой музыкантши звучат любимые мелодии её родителей, песни военных лет.

Кого часто можно встретить на выставках, в театрах, концертах, в музеях? Конечно – блокадников, им интересно всё. Много их и в поликлиниках: война «щедро» наделила типичными заболеваниями, вызванными длительным голоданием: стрессом, дистрофией, цингой. Многие не смогли иметь детей. Однако, всегда жизнерадостные, они крепко держатся за жизнь и готовы, не скупясь, поделиться со всеми своей стойкостью и выдержкой.

– *Где черпайте энергию?* – В творчестве, в общении с людьми. Я тружусь с 16 лет по сей день.

– *Вы говорите о специфических болезнях блокадников. Чем они отличаются?*

– Я часто вспоминаю моих дорогих родителей – мужественных людей. Моя мама Платонова Наталья Андреевна, прожив 90 лет, всегда удивлялась тому факту, что медики мало изучали здоровье пациентов, переживших 900 дней блокады и всю войну. Поразительно, но во время войны исчезли все обычные заболевания мирного времени: язва желудка, рак, сахарный диабет и другие, они нас и сейчас не беспокоят. Мы страдали совсем от другого: от голодной дистрофии.

– *Как Ваши всегда занятые родители находили время на воспитание своих детей?* – Может показаться, что нашим родителям, занятым с утра до ночи тяжёлым трудом – восстановлением разрушенного города Ленинграда, не было дела до воспитания своих детей. Но это не так. Семья была главным воспитывающим фактором: поведение родителей, их отношение к жизни, к труду, уважение друг к другу, к старикам формировали наш характер. Кроме того, мы много времени проводили в школьном коллективе, в домах пионеров, в творческих кружках, – там мы учились общаться. Трудовыми навыками овладевали дома, поскольку домашний труд был на детях, а также в пионерских лагерях и на пришкольном участке. Окружающая среда – вот тот сосуд, в который попадает ребёнок. Здесь куётся его счастье или несчастье, его мировоззрение.

-Вы и сейчас продолжаете работать. Не пора ли отдохнуть?

– Отпраздновав 70-летний юбилей в родном университете, я ушла с трудовой книжкой в руках, но не на заслуженный отдых, а на поиски новой работы. Привычка работать не отпускает наше поколение. Очень хочется быть полезным обществу, быть всегда в строю. И тут я столкнулась с возрастным цензом. После серьёзной исследовательской работы в химической лаборатории мне предлагалась работа в гардеробах, уборка помещений, в сетевом маркетинге. Успокоилась я лишь тогда, когда стала волонтером в детском благотворительном детском фонде. В этом фонде работы – непочатый край, а заработок мизерный. Но здесь я получила то, что хотела – почувствовала себя востребованной.

Алла Юрьевна отдыхает

– *Хватает ли времени на творчество?* – Работа отнимает много сил, но для творчества всегда можно найти время. С друзьями – бывшими блокадниками, мы навёрстываем то, чего были лишены в детстве: посещаем выставки, театры, музеи, и это всегда приносит удовлетворение, даёт полёт для новых творческих замыслов. Оказывается, в почтенном возрасте есть свои прелести.

– *Как Вам удаётся дружить с детьми и внуками?* – Жаль, что время наше всё стремительнее набирает обороты. Но мы не сдаёмся и раскручиваем спираль в обратную сторону. Собственное здоровье во многом зависит от здоровья

наших детей и внуков. А также от взаимоотношений с ними. Зачастую, хочется поучить их жить, подсказать, упрекнуть за их недостаточное внимание к себе. Но делать это надо ненавязчиво. А чаще всего – лучше промолчать и заняться своими делами. А посудачить можно и с подругами. Моё правило: не советуй, если тебя об этом не просят, не навязывай свою помощь, если не просят. На то и есть старшее поколение, чтобы проявить житейскую мудрость. А порой достаточно просто рассмеяться, и недоразумение исчезнет. И только терпение может уберечь нас от отчуждения друг с другом. Предъявлять претензии молодёжи в том, что они нам чем – то обязаны, не стоит. Они нам ничего не должны. Молодые живут в своём ритме жизни, загружены своими житейскими делами, заботами о своих детях, много работают. Лучше не беспокоить их лишней раз. Быть мамой и бабушкой – это тоже работа. Надо, чтобы дети и внуки чувствовали, что у них есть тыл, запасной аэродром, куда всегда можно приземлиться.

– *На чём основан Ваш оптимизм?* – Мы, поколение 40-х годов, всю жизнь шагали по ней в борьбе за эту жизнь и закалились в борьбе. В экстремальных условиях блокадного ада выработалась выносливость и устойчивость к невзгодам, нездоровью и к прочим «не». Мы научились терпеть и не ныть.

– *Сейчас много говорят о стрессах, как Вы справляетесь с ними?* – У меня их не бывает, – просто некогда.

– *Как всем нам справляться со стрессовыми ситуациями?*

– В них не попадать. Заниматься любимым делом, работать, творить, читать, путешествовать, постоянно быть занятым.

– *О чём мечтаете?* – У меня случилось не так уж много времени, поэтому хочется ещё очень многое успеть, узнать, получить новые впечатления.

Вот откуда у блокадников столько оптимизма и жизненных сил: они умеют любить и радоваться жизни, как дети. Дети блокады искренне дорожат своей семьёй, дружбой. Им есть, что вспомнить, чем поделиться.

– *Что бы вы пожелали сегодня тем, кто никогда не знал войны?*

– Надо, чтобы никогда не повторилось трагическое прошлое. Чтобы люди унаследовали человеческие качества, благодаря которым выжили и победили защитники Ленинграда. Берегите детей! Берегите мир!

Памятник блокадным детям